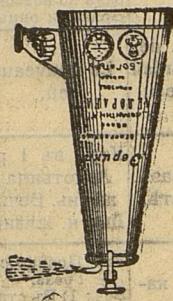

М. И. Дроzжинъ.

Караванная, 24, близъ Невскаго пр. Телеф. 82—52.
Брилліантовыя, золотыя и серебряныя вещи лучшей работы.

Управляющій Егоръ Ивановичъ ОЛИВЕРЪ.

Пожаръ не страшенъ,

если вездѣ будуть находиться Огнетушители „ЭВРИКА-БОГАТЫРЬ“, действующіе пѣнной „Лорантин“ (патентъ А. Г. Лорана). ТОЛЬКО „ЭВРИКА-БОГАТЫРЬ“ ТУШИТЬ ВСЕ, даже нефть, керосинъ, бензинъ и т. п. легковоспламеняющіяся вещества. За короткое время СПБ. пожарными командами огнетушителями „Эврика-Богатырь“ потушено свыше 150 пожаровъ. Всѣ Импер. театры, Залы Консерваторій и масса казенныхъ и частн. учрежденій обезопасены въ пожарн. отношеніи только аппар. „Эврика-Богатырь“. Требуйте брошюру съ отзывами. Высылаемъ немедленно бесплатно.

Т-во механическаго и литейнаго завода „Богатырь“.

СПБ. Б. Спасская, 2. Телефоны 89-15 и 217-23.

Единств. представ. для всей Россіи Акц. общ. Густавъ Листъ въ Москвѣ

Кѣ кожчинѣ В. ф. Коммисаржевской.

Пресса о смерти В. ф. Коммисаржевской.

Петербургская пресса продолжаетъ высказывать свою скорбь о прекрасной артисткѣ. Сходятся всѣ направлѣнія въ искусствѣ—модернисты и реалисты, всѣ партіи въ политикѣ—лѣвые и правые—такова великая примиряющая сила искусства, его большихъ художниковъ.

Александръ Блокъ въ „Рѣчи“ говорить отъ имени символовистовъ:

Мы—символисты—долгіе годы жили, думали, мучились въ тишинѣ, совершенно одинокіе, будто ждали. Да, конечно, ждали. И вотъ, въ предреволюціоннаго года, открылись передъ нами высокіе двери, поднялись тяжелые бархатныя занавѣсы—и въ дверяхъ на фонѣ громаднаго бѣлого театральнаго зала—появилась еще смутиная, еще въ сумракѣ, неотчетливо (такъ неотчетливо, какъ появляются именно жи вѣе) эта маленькая фигура со страстью ожиданія и надежды въ синихъ глазахъ, съ весенней дрожью въ голосѣ, вся изображающая одинъ порывъ, одно устремленіе куда-то, за какіе-то синіе, синіе предѣлы человѣческой здѣшней жизни. Мы и не знали тогда, кто передъ нами, насы ослѣпили окружающіе огни, задушили цветы, оглушили торжественную музыку этой большой и всегда пѣвучей души. Конечно, всѣ мы были влюблены въ Вѣру Федоровну Коммисаржевскую, сами о томъ не вѣдая, и были влюблены не только въ нее, но въ то, что свѣтилось за ея беспокойными плечами, въ то, къ чему звали ея безсонные глаза и всегда волнующій голосъ. „Пожалуйста, вы ничего не забыли. Вамъ просто стыдно немножко. Такихъ вещей не забываютъ... Подайте мнѣ мое королевство, строите. Королевство на столѣ!“

Никогда не забуду того требовательнаго, капризного и повелительнаго голоса, которыемъ Вѣра Федоровна произносила эти слова (въ роли Гильды въ „Сольнечсъ“ Ибсена). Да развѣ это забываетъ?

Я вспоминаю ея легкую, быструю фигуру въ полу-мракѣ театральныхъ коридоровъ, ея торопливо брошенное привѣтствіе передъ выходомъ на сцену, пожатіе ея маленькой руки въ яркой уборной; ея печальные и смѣющіеся глаза, обведенныя синимъ, ея выпытывающія, требовательныя и увлекательныя рѣчи. Она была—вся мятежъ и вся весна, какъ Гильда, и, право, ей точно было 15 лѣтъ. Она была моложе, о, насколько моложе многихъ изъ насъ...

Балетный критикъ, изъ бывшихъ моряковъ, Л. Козляниновъ въ „Россіи“ дѣлится воспоминаніями:

Мы, молодые только что выпущенные мичмана всѣ знали двухъ юныхъ прелестныхъ сестеръ—дочерей знаменитаго пѣвца. Онѣ съ нами играли въ любительскихъ спектакляхъ, пѣли въ концертахъ, что устраивались въ нашей каюти-компаниѣ у церкви Благовѣщенія, тогда такой милой, симпатичной, куда стремились попасть по-субботамъ всѣ петербургскія барышни, вся молодежь.

Младшая изъ сестеръ была совершенная цыганка и увлекала своимъ исполненіемъ страстнаго любителя „фараоновъ и гитары“ мичмана С. И. Зилотти.

Старшая—Вѣра Федоровна, мечтательная блондинка, носила тогда по мужу титулъ графини Муравьевой. Но она какъ не шелъ къ этому нервному, живому существу съ прекрасными глазами!

— Въ вашихъ глазахъ—цѣлое море,—говорять ей хозяева-адмиралы.—Не наше мутное мелкое море—Маркизова Лужа, а то далѣкое, синее, безбрежное, глубокое...

Весной въ 1896 году „Бой бабочекъ“ въ Александриномъ театрѣ. Играѣтъ Вѣра Федоровна. Мы—ея однолѣткіи и друзья пошли „поддержать“ свою любимицу.

Но поддерживать не пришлось. Милая, галантливая Рози—мы гордились ея шумнымъ успѣхомъ, какъ будто всѣмъ намъ, морякамъ, она была и въ самомъ дѣлѣ такая же родная и близкая, какъ ея очи, словно море „лазурью глубокое“...

Фельетонистъ „Новой Россіи“, Pierre Pierrot, рисуетъ сцену въ театрѣ, въ первый день, когда стала извѣстной страшная вѣсть.

Вчера, въ одномъ театрѣ, мнѣ нуженъ былъ телефонъ. Подхожу къ дежурному полицейскому приставу:

— Умерла Коммисаржевская—разрѣшилъ переговорить съ ея театромъ...

— Что-о? Какъ?! Коммисаржевская?!

Я привыкъ къ полицейскому крику. Не одинъ разъ приходилось путешествовать и сидѣть подъ покровительствомъ полиции.

Полицейскій перекрестился широкимъ, истовыемъ, народнымъ жестомъ. На его глазахъ что-то блеснуло.

Мнѣ стало жутко.

Когда театральный критикъ и полицейский приставъ сходятся во взглядахъ—это уже жутко. Какъ передъ большой бѣдой или чрезвычайной радостью.

Сегодня я быдъ на панихидахъ.

Въ „театрѣ Коммисаржевской“...

Я предлагаю оставить это ставшее, увы, уже историческимъ для насть имѧ за театромъ на Офицерской—навсегда. Пусть это будетъ первый вѣнокъ на нежданную могилу дорогой Вѣры Федоровны. Будутъ, вѣроятно, стипендіи ея имени, будутъ, быть можетъ, театральная школы въ ея честь, но лучшая память для всѣхъ насть, для тѣхъ, у кого благороднѣйшія минуты жизни связаны съ незабвеннымъ благоуханнымъ именемъ Вѣры Федоровны—пусть этаѣтъ театръ будетъ посвященъ, какъ безкровная жертва—загробной тѣни прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ...

Объ „отреченіи“ Вѣры Федоровны отъ театра говорить Ф. Купчинскій.

...Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее уже передъ са-
мымъ Ташкентомъ...

Она играла въ Тифлисѣ.

Тамъ же вылилось опредѣленное рѣшеніе ея воли—
покинуть сцену навсегда.

Она говорила съ тяжкой болью объ этомъ рѣшеніи, но крѣпилась и, блѣдная, измученная перѣѣздами, ежедневной игрой, неудачами, непрѣятностями, овациими, счетами и проч., закрывала руками лицо и говорила, что смотрѣть бодро впередъ... а глаза наполнялись слезами.

Она слишкомъ много любила искусство, чтобы оставить служить ему въ тѣхъ рамкахъ, которыхъ остались ей для нашихъ дней.

— Не нахожу словъ, которыми могла бы говорить; должна отойти молчаливо и отхожу безъ упрека...

Она стояла. Дрожалъ голосъ. Слезы спадали съ лица на платье...

Московскія газеты тоже полны статьями о В. Ф. Въ своей любви къ ней Москва явилась соперницей Петербургу. Объ этомъ говорить въ „Рус. Вѣд.“ Н. Эфросъ. Въ Москвѣ В. Ф. играла впервые въ 1902 г. и скоро

Москва стала соперничать съ Петербургомъ въ восторженной любви къ этой артисткѣ лиризма и духовнаго изящества совершенно исключительныхъ, къ этой художнице могучихъ порывовъ, къ этой смѣлой искательницѣ новыхъ путей...

Неустанно искашавшая, она много ошибалась. Часто страстно вѣрила въ правоту этихъ ошибокъ. И я не могу не сказать—она была прекрасна, она была на-
настоящей художницей и въ этихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ своихъ ошибкахъ. Яркій свѣтъ горѣлъ въ ней—онъ прогналъ бы всѣ случайныя тѣни. И сколько разъ въ послѣдніе годы художественныхъ исканій вдругъ загорался такой силы пламенъ, что замолкли передъ игрой споры о „школѣ“. Теоретическіе противники сидѣли, завороженные, съ расширеннымъ восторгомъ глазами, съ учащенно стучашимъ сердцемъ. И только на-
слаждались.

Больше уже не будуть наслаждаться этими творчествомъ, жизнью этихъ глазъ, музыкальностью этого голоса, благородной красотой этихъ сценическихъ переживаній. Захлопнули навсегда книгу, такъ богатую содержаніемъ и въ которой еще столько недописанныхъ страницъ.

Э. Бескинъ въ „Ран. Утрѣ“ вспоминаетъ:

О ней, когда-то шутили:

Она изъ большой фамиліи: К-о-м-м-и-с-с-а-р-ж-е-в-с-к-а-я.

Въ самомъ дѣлѣ—шестнадцать буквъ.

Но вскорѣ шутка превратилась въ дѣйствительность.

Фамилія стала большой.

Помню—водевиль „Цыганка“. Есть такой. Его особенно любила Коммисаржевская.

Въ черномъ, жгуче-черномъ парикѣ, съ мучительнымъ взглядомъ большихъ, задумчивыхъ очей Коммисаржевская—цыганка исполняла, сама себѣ аккомпанируя на гитарѣ, нѣсколько романсовъ.

И это уже быть не водевиль. Это была уже та драма, которую она принесла съ собой на сцену.

Въ пѣснѣ. Въ звукахъ романса.

Драма, ярко пробивавшаяся сквозь слезу низкаго грудного голоса. Драма тихаго страданія. Драма подавленныхъ стоновъ.

Когда Коммисаржевская, послѣ долгихъ колебаній, согласилась пойти на казенную сцену, закулисные интриги первымъ дѣломъ предъявили къ ней обвиненіе:

— Она создаетъ на сценѣ „Дѣтскій садъ“.

Въ исторіи развития таланта Коммисаржевской, тяготѣющей вообще къ углубленнымъ примитивамъ упрощеніямъ, этотъ „дѣтскій“ періодъ сыгралъ несомнѣнно видную роль.

Онъ былъ тѣмъ поворотнымъ пунктомъ, отъ которого она дошла до проникновенной глубины сестры Beатрисъ, Норы, Гильды.

Все громадное значеніе его, видимо, понимала и сама Коммисаржевская, остановившаяся два года тому назадъ въ Москвѣ для юбилейнаго спектакля опять на подросткѣ:

„Дикарка“.

Это—законченный кругъ. Это—логически завершенное звено исканій.

Тѣхъ исканій, которая такъ дороги въ Коммисаржевской и ея театрѣ.

Они начались 17 лѣтъ тому назадъ, съ ея водевиля, и закончились въ примитивѣ Метерлинка, въ сковывающей ужасомъ, простотѣ Ибсена.

Въ послѣдніемъ ряду у прохода, въ дни, когда выступала Коммисаржевская, можно было всегда замѣтить старушку. Гладко зачесанную, въ неизмѣнномъ черномъ платьѣ.

Эта была мать артистки.

на лицѣ старушки сияло счастье. И когда, бывало, пожмешь ея руку и поздравишь съ успѣхомъ дочери, у нея не было силь отвѣтить.

Она плакала.

Отъ счастья.

Въ „Утрѣ Россіи“ сообщается, что На-дняхъ М. Н. Ермолова въ кружкѣ своихъ друзей, гдѣ говорили о болѣзни Коммисаржевской, сказала:

Коммисаржевская теперь самая талантливая артистка въ Россіи.

И въ скромномъ признаніи великой русской артистки заключалась лучшая и справедливѣйшая оцѣнка Коммисаржевской.

Она умерла, заканчивая кругъ своихъ страстныхъ сценическихъ исканій, которая отъ „Безприданницы“ и „Дикарки“ бросали ее къ „Геддѣ Габлеръ“, „Сестрѣ Beатрисѣ“ и „Норѣ“.

Отъ быта—къ мистикѣ, отъ реальнаго—къ стилизации.

И въ этихъ лихорадочныхъ исканіяхъ Коммисаржевская, какъ созданная ею чеховская Нина Зарѣчная, съ мучительной тоской каждый разъ сознавалась:

— „Это не то... Не то... Все не то“

А это „то“ было впереди. Это „то“ было быть, отъ которого загорѣлся ея чудный талантъ и къ которому она неизбѣжно должна была вернуться.

Съ христіанской „обреченнай“ мученицей сравниваетъ В. Ф. С. Яблоновскій въ „Рус. Сл.“:

Она пришла сразу сильная необыкновенной нѣжностью, кротостью и вдохновеніемъ.

Хрупкая и сильная до послѣдней степени. Сильная душевная силой, которая у этихъ особенныхъ натура словно прямо отъ Бога.

Такою силой обладали юны христіанскія мученицы, когда могли онѣ ити на костеръ, на разтерзаніе звѣрь, на всѣ страданія и пытки, съ горящими вдохновеніемъ глазами, съ полной свѣтлою радости душою...

Вы помните этотъ первый періодъ знакомства нашего съ Коммисаржевской?

Вѣдь въ залѣ не было равнодушныхъ; вѣдь зрители не говорили спокойно:

— Да, вотъ это очень недурно, это хорошо, это слабѣе,—нѣтъ, зрители были въ плѣну, въ радостномъ счастливомъ плѣну, и переживали то, что переживалось, я помню, на спектакляхъ Стрепетовой, на спектакляхъ Иванова-Козельскаго—этихъ громадныхъ и недостаточно цѣнныхъ теперь волшебниковъ сцены.

Она подходила подчасъ къ самыи среднимъ произведеніямъ драматурговъ, и образы, у авторовъ только приличные, наполнялись такою красотой, такимъ творческимъ содержаніемъ, о которыхъ драматургу и не снилось.

Въ особую заслугу покойной „Гол. Москвы“ ставить ея поѣздки по провинціи:

Я увѣренъ, что никто изъ русскихъ артистовъ не пользовался такой огромной популярностью, какъ Вѣра Федоровна. Я могу себѣ представить обывателя, который не знаетъ о Савиной или Ермоловой, но чтобы кто-нибудь не зналъ Коммисаржевскую,—это невозможно. Это—положительно невозможно! Я говорю это, какъ человѣкъ, изъѣздивший Россію вдоль и поперекъ и видѣвшій Коммисаржевскую въ десяткѣ городовъ.

Обаяніе ея имени кроется не только въ исключительности ея таланта, не только въ особенныхъ, только ей одной свойственныхъ тонкіхъ его оттѣнкахъ. Нѣтъ. Тяжелой скитальческой жизнью она выполняла высокую культурную миссію и въ сѣренѣкую мглу затхлой провинциальной жизни вносила яркій факель святого искусства. Только тотъ, кто самъ жилъ въ провинциальной глупи, знаетъ, какимъ праздникомъ были всегда гастроли Коммисаржевской, съ какимъ трепетнымъ восторгомъ ждали ея прїѣзда, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ея мучительными искаченіями, ярко отражавшимися на репертуарѣ. И, навѣрное, ни въ Петербургѣ, ни въ Москве, не было у Вѣры Федоровны болѣе чуткой, болѣе отзывчивой аудиторіи, чѣмъ въ скромныхъ провинциальныхъ театрахъ.

Почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ открыта подписка на вѣнки для возложенія на гробъ любимой артистки. Въ некоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, по почину учащихся, будутъ отслужены панихиды.

Родные артистки получили многочисленныя телеграммы изъ Петербурга, Москвы и провинціи съ выраженіемъ соболѣзвованія.

Ни со стороны ташкентскихъ властей, ни со стороны петербургскихъ властей препятствій къ перевезенію тѣла В. Ф. въ Петербургъ не встрѣчено. Тѣло отбудетъ въ пятницу, 12 февраля, вечеромъ, изъ Ташкента. Сопровождать его будетъ артистъ Зоновъ. Остальные артисты труппы В. Ф. остаются въ Ташкентѣ до выздоровленія своихъ товарищѣй. Предполагаютъ, что тѣло прибудетъ въ Петербургъ 17

или 18 февраля, когда и состоятся похороны.

Въ Москву навстрѣчу останкамъ В. Ф. выѣзжать близкіе и родные покойной и некоторые артисты Драматического театра.

Извѣстіе о смерти В. Ф. Коммисаржевской въ буквальномъ смыслѣ потрясло многихъ членовъ Думы, оппозиціи и центра. Со всѣхъ сторонъ неслись слова скорби и тоски по поводу совершившагося.

— Это была не только великая артистка, но и великий человѣкъ!—говорилъ депутатъ Гегечкори.

— Смерть В. Ф. Коммисаржевской, это—национальный трауръ, такъ какъ и при жизни В. Ф. была національной гордостью,—говорить депутатъ Шингаревъ.

На гробъ предполагается возложить многочисленные вѣнки.

Послѣднія дни В. Ф. Коммисаржевская чувствовала недомоганіе еще въ началѣ гастролей въ Ташкентѣ, но крѣпилась. Во время послѣдняго спектакля она играла совершенно больной. Критикъ ташкентской газеты „На рубежѣ“, давая отчетъ о спектакляхъ, бросилъ артисткѣ упрекъ, констатируя исчезновеніе ея таланта. В. Ф. были возмущены. Во время хода пьесы „Бой бабочекъ“ В. Ф. открыто заявляла о своемъ нездоровыи и просила не подавать ей руки. По окончаніи спектакля она слегла. Зараженіе оспой послѣдовало черезъ соприкосновеніе съ парикмахеромъ, который оказался больнымъ. Когда состояніе здоровья В. Ф. стало опаснымъ, то въ ночь на 10 февраля къ ней былъ приглашенъ священникъ со святыми Дарами, который принялъ послѣдній вздохъ умирающей.

Въ знакъ траура всѣ увеселенія въ Ташкентѣ отмѣнены. По распоряженію губернатора тѣло будетъ провожать на вокзалъ оркестръ музыки.

Труппа Нового Драматического театра въ ближайшемъ будущемъ предполагаетъ поставить спектакль, посвященный памяти В. Ф. Коммисаржевской.

Русское Театральное общество телеграфировало вчера представителю въ Ташкентѣ съ просьбой возложить на гробъ скончавшейся артистки вѣнокъ отъ имени Императорскаго русскаго Театральнаго общества.

Изъ Ташкента телеграфируютъ: тѣло В. Ф. Коммисаржевской перевезено въ кладбищенскую церковь; где отслужили первую панихиду. Вѣру Федоровну провожала масса народа. На гробъ многочисленными общественными и частными учрежденіями и отдѣльными лицами возложены вѣнки. Тѣло почившей покоятся въ запаянномъ цинковомъ гробу.

Сегодня, 13 февраля, въ 3 часа дня, на музыкально-драматическихъ и оперныхъ курсахъ Заславскаго будетъ отслужена панихиды по скончавшейся В. Ф. Коммисаржевской.

